

Властелина Богатова

Хранящая прах

«Литнет»

2018

Богатова В.

Хранящая прах / В. Богатова — «Литнет», 2018

Едва княжна Мирина вернулась на родину, как снова покидает отчий дом. Едва повстречав того, кто взволновал её душу, мгновенно его теряет. Вновь перед ней простирается дорога в степи, путь, который предпочла бы раз и навсегда забыть. Ведь заклятый враг желает сделать её своей женой. Она одинока среди чужаков, и неоткуда ожидать помощи. И кажется, гаснет огонь в душе, но только Мирина не могла и предположить, что гаснет он лишь для того, чтобы вновь воспламениться с новой силой, готовый испепелить в прах не только всё вокруг, но и её собственное сердце.

© Богатова В., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

— Я не понимаю, почему? Почему ты не хочешь дать мне войско? Раз сам не намерен выходить из Явлича, позволь мне это сделать! — Арьян врезался взглядом в князя, прожигая его насквозь.

Данимир, что занял место напротив брата, пошевелился напряжённо, оторвав взор от Арьяна, глянул на Вяжеслава. В его глазах уже потухла вся надежда на то, что разговор с отцом даст хоть какие-то плоды. Князь не отзывался ни на какие доводы Арьяна, не уступая, оставаясь верным своему суждению. И внутри уж кипело всё от гнева, биться о каменную стену не было никаких сил. Уже больше седмицы изо дня в день отец избегал разговора о походе к реке Вель. Как бы Арьян его к тому ни подводил, а всё без толку.

Арьян встал, не отрывая взор от отца, вышел из-за стола, казалось, бесцельно начал мерить шагами светлицу. Вяжеслав молчал.

— Если ты не дашь мне людей, я найду другой выход.

Князь выпрямился, расправив плечи, повернулся. Арьян ощутил пытливый взгляд его золотисто-янтарных глаз на себе. Данимир тревожно забарабанил пальцами по столу. Пусть перегибает палку, может, и так, но ему надоело прятаться за стенами да отсиживаться в детинце.

— Я не собираюсь ждать, пока они станут сильнее. Тогда наши потуги оборониться уж точно будут напрасными, — заключил Арьян, останавливаясь, поворачивая голову к князю.

— Это всё из-за княжны? — спросил прямо Вяжеслав.

Арьян бегло переглянулся с Данимиром, тот вовсе потемнел, сглатывая напряжённо.

— Не только из-за неё. Ты знаешь, что они разъезжают по нашим землям, берут в плен людей, едва не убили старшего сына Радонег и убили бы, если бы тому не удалось вовремя уйти.

Князь вдруг поднялся с кресла, прошёл неспешно к Арьяну, глядя в глаза удушливо долго.

— Как оно всё там сложилось, это ещё проверить нужно, — сказал Вяжеслав, по-прежнему оставаясь спокойным и невозмутимым. — Я знаю, что из-за неё. Из-за девки ты голову потерял. Мало тебе одной было.

Арьян покачулся, так в нём всплеснула холодная волна. Он сузил глаза, всеми силами сдерживая рвущееся наружу раздражение, но злость, в конечном счёте, ничего не принесёт. Отец совсем потерял хватку.

— Разберись прежде с одной, Арьян, — продолжал он давить.

— С Всеславой я ошибся и признаю это.

Вяжеслав только усмехнулся в тёмную бороду, сверкнули на дне глаз искры далёкие, будто самоцветные камни. Князь отступил, подхватывая кувшин, плеснул в чару золотистой жидкости.

— Ты простишь ей измену? Она же тебя убить пыталась, — отразил он, загоняя в клетку.

— Зачем ты мне об этом напоминаешь? Мне от неё больше ничего не нужно. И жизнь её не нужна. В том, что произошло, виноват и я.

— Только ты, — поправил его князь, отпивая, щурясь на солнечный свет, обильно льющийся в неширокий оконный проруб, невольно напоминая Арьяну самого себя.

— Так что ты скажешь. Дашь мне войско?

Вяжеслав сделал ещё один большой глоток, отставил чару, посмотрел на старшего сына.

— Нет.

Арьян стиснул челюсти до скрежета зубов, рвано выдохнув через нос, осознавая, что и в самом деле устал бодаться с ним. Княжич шагнул к двери, не видя смысла более оставаться

здесь, направился к выходу твёрдым и широким шагом. Данимир было вслед ему поднялся, но вновь упал на место, пригвождённый взглядом отца.

Минуя переходы и лестничные пролёты, Арьян спустился на нижний ярус терема, погружаясь в прохладу. Оказавшись в горнице своей, прошёл к столу, опёршись руками о края столешницы, свесил голову, дыша часто и глубоко. Внутри бешено мутился неприятный горький осадок от разговора. Эта была последняя попытка поговорить с ним.

Княжич напрягся весь, услышав скрип половиц и тихие шаги, и развернулся. Глаза карие девичьи сузились хитро, губ улыбка напряжённая коснулась. Ордана плавно прошла к столу, поставив плошку с остывшим отваром. Всё это время помощница травницы наведывалась, справляясь о здоровье, выполняя поручения Краймиры, готовя отвары целительные. Она была рядом постоянно, и княжич привык к тому. Ордана оказалась честной и искренней, её порядочность, забота, спокойствие растопили ту мерзлоту, что сковала его на время недуга и долгого ожидания. И сейчас она влияла на него каким-то особым образом. Её не хотелось прогнать, но и чтобы приближалась, тоже не хотелось. В последнее время взгляд помощницы стал тусклым, и сама она казалась какой-то задумчивой.

Арьян подхватил молча плошку, делая большие быстрые глотки. От крепкого травяного отвара был немного поутих. Он чувствовал взгляд Орданы на себе, видел, как губы ещё шире растягиваются в улыбке, потом она облизала их кончиком языка, забирая из рук княжича посуду. Собралась уходить, да вдруг пальцы её, что обхватывали пузатые стенки чаши, задрожали, как и губы, несколько капель питья упали на пол.

— Собираешься уезжать? — вдруг спросила она чуть севшим голосом.

Арьян прошёл к столу и опустил на лавку, задумчиво посмотрел на клочок ясного голубого неба, видневшегося в окошке. Ордана была прозорливой и в последнее время всё считывала на ходу, все его желания, помыслы, порывы. Она подошла, накрыв его руку, покоящуюся на столе, своей, слегка сжала.

— Но я только могу тебе пожелать доброго пути, — с какой-то горечью и смирением промолвила она.

Арьян скосил взгляд на её пальцы, хотелось смахнуть её руку, но это было бы грубо с его стороны. Ордана живёт в лесу, туда и уйдёт уже скоро, пути их разные, и она прекрасно это понимает. И мысли о Мирине одна за другой толкали его в пропасть, вынуждая терять терпение, гоня с места. Неведенье терзало хуже, чем рана в рёбрах. Неизвестно, что за эти дни с княжной случилось, пока он тут сидел, запертый в стенах.

Ордана убрала руку, так и не дождавшись никакого ответа. А когда половица у порога привычно скрипнула, Арьян стиснул пальцы в кулаки.

Конечно, поступать против воли отца недозволительно с его стороны, но, в конце концов, это его жизнь.

Побывать в одиночестве долго не удалось. Послышались шаги, и по ним Арьян узнал Данимира. Брат ворвался в горницу, быстро пересёк её и опустил прямо напротив Арьяна, впевшись в него молчаливым взглядом.

— И что ты задумал? — наконец, спросил он.

Арьян опустил взор, разглядывая древесный узор стола.

— Поеду в Излуч.

Данимир покивал головой, будто уже вперёд знал, что ответит брат, хотя догадываться тут и нечего, одни друзья у них ныне верные были.

— Нужно сказать Векуле, чтобы кметей собирал. Ждать уже нельзя, если валганы покинут Вель, мы их долго искать будем по степи.

— Завтра и выезжаем. Ещё крюк делать до острога, времени много потеряем. Да ещё празднества надвигаются, как бы это всё не затянулось.

Арьян помрачнел. О том, что заканчиваются дни русалии и коло внешнее входит в пору зрелую, совсем позабыл. Он провёл рукой по лицу, ощущая, как отвар, что дала Орда, размягчил тело, и как клонит в сон, хоть день был в самом разгаре. Столько всего случилось за эту пору, слишком много потерь. Сначала мать, потом невеста, теперь ещё и княжна.

Данимир качнулся вперёд, поднимаясь со своего места.

— Пойду, оповещу наших, что выезжаем, — окинул он взглядом твёрдым брата.

Младший хорошо знал, как влияют на Арьяна зелья Краймиры, и сегодня была последняя чаша. Он оправился и больше ни в чём не нуждается, пусть благодарен был травнице. Арьян кивнул, отпуская брата.

— Вечером в гриднице всех жду.

Данимир ушёл, оставив Арьяна сидеть за столом в одиночестве. Тишина сгущалась, и через туман в голове вливались невнятные звуки с улицы. Глаза смежались. И зачем пил это снадобье? В конце концов, княжич сдался, поднявшись и добредя до лежанки, повалился на постель, закрывая глаза. Перед глазами всё вертелось-крутилось, как листья, закрученные вихрем, мысли поднимали его куда-то и уносились прочь, далеко от стен княжества, за земли воличей, туда, где была сейчас княжна Мирина.

Голубые глаза, спокойные, как заводь, бархат волос и голоса окутывал его, касаясь самого сердца. И чужие руки оплетают её, как верёвки, сдавливая. Арьян вздрогнул и проснулся. Было уже сумрачно, копошился где-то в дверях Митко, приготавливая на вечер лучин. Арьян головой тряхнул, сбрасывая наваждение, да только сердце жгло хлеще от нетерпения.

Он поднялся, в гриднице, верно, все уже собрались, сидят без него. Проклятый недуг!

Умывшись прохладной водой, что принёс отрок, Арьян отёрся рушником и, подпоясавшись, спустился в дружинный двор. В оконцах длинной избы уж горели лучины. Арьян, пригибаясь под низкую притолоку, вошёл в горницу, полную людьми да запахом мужского духа и браги. Сразу и тесно внутри стало. Мужчины повернули головы в сторону двери, приветствуя княжича кто кивком, а кто крепким пожатием руки. Судя по распитым бочонкам да густому душному воздуху, сидели тут они уже давно. Арьян опустил рядом с Векулой-десятником с одной стороны, с другой сел Данимир, от него по левому боку опустил и Мечеслав. Все упёрли в княжичей горящие взгляды, хоть в пору сейчас в сёдла да на валганов идти.

— Вы верно знаете, что князь против этого похода, — начал Арьян, оглядывая каждого кметя.

Числом их оказалось с два десятка, и каждого княжич знал, и каждому доверял. Не мало, но и не много, чтобы одолеть врага. Взоры их только твёрже сделались, не все поддерживали правду князя, хоть в том и признаться открыто не могли. Каждый готов защищать свои земли.

— Поэтому нам нужна помощь, на рассвете отправляемся в веси Излуча к друзьям нашим давним, верным к княжичам Ериславу и Заримиру. Враг у нас общий, домами объединиться нам нужно, а там как Боги велют и рассудят по справедливости.

Мужчины закивали, глаза их ещё гуще пеленой ярости затянулись. Данимир подхватил кувшин, наполнил братину глубокую, массивную до краёв брагой. И пошла она по кругу, скрепляя слова и помыслы, делая их одним единым замыслом и силой для всех. И никто теперь не мог остановить это: ни указ Вяжеслава, ни даже Радьяр. Воевода не показывался в эту ночь в гриднице, чтобы не наводить раздора лишнего. Коли отец не смог старшего княжича остановить, то ему и пытаться нечего. Хотя Арьян чуял, что, если б дал князь на то согласие, воевода первым в ряду был бы.

Как рассеялись по душевной гриднице первые утренние лучи, вся братия вышла во двор. Собрались споро. Для воина много ли нужно? Главное — оружие наточенное, припасов кое-каких в дорогу да плащей от сырой погоды и ночного холода. Больше пришлось с палатками возиться, скручивая их в тюки да на сёдла водружая поклажей брэнной. Едва край златоглавого кола показался из-за тёмно-изумрудного лесистого окоёма, как кмети дружно поднялись

в сёдла да покинули детинец. Князь Вяжеслав не вышел, как, впрочем, и думал Арьян, да и не было в том проку — держать сыновей подле себя отец всё едино не сможет. А раздувать ссору не станет, дабы у народа да старост не вызвать лишнего беспокойства.

Поднимая пыль столбом, всадники минули ещё малолюдный посад да в луг выехали, а там и до Ряжеского леса рукой подать. Ближе к обеду достигли частокола елового, углубляться в него не стали, в обход повернули, в сторону Излуча, куда ныне и пролегал путь дружины.

— До острога путь до полуночи, но если не станем на отдых, то к вечеру придём, — сказал Векула-десятник, поравнявшись с Арьяном.

Княжич глянул на лазурное, чистое от облаков небо бездонное, сощурился от такой чистоты дивной, бьющий больно по глазам. Раны не переставали ныть и полосовать нещадно, да и непривычно так долго в седле быть.

— Поторопиться нужно, — согласился Арьян.

Векула только глянул на него, но настаивать не стал.

Ближе к вечеру на землю опустил грузом пекло, и воздух сделался тяжёлый, раскалённый — не продохнуть. Даже трава, казалось, вяла, только редкий ветерок налетал, дразня жажущих прохлады кметей да лошадей. Животным хуже всего приходилось, они рьяно хлестали себя хвостами, смахивая впивающихся в шкуры оводов да комаров, будто озверевших от жары. Хотелось уж свернуть к реке да прямо в воду погрузиться. Арьян и на то был готов уже, хоть русло незнакомое, и таких он отродясь сторонился. А когда потянуло душным запахом полыни, цветущим клевером да синей горечавкой, голова кругом пошла и пот покатился градом со лба да по спине. Усталость накатила страшная. Прошли ещё пару вёрст, и коло стало как бы ниже. Кметы выдохнули облегчённо, когда впереди в знойной дымке показались бревенчатые стены острога Излуч.

Излуч стоял на холме среди лиловых кустарников багульника, огибаемый плёсом неширокой речушки под название Брезь. Острог поставил ещё отец князя Гостивой. Бревенчатые стены, высохшие на солнце, как рёбра, распинались на холме под жаром солнца. У самого подножья качались на воде ладьи, и людей ныне было много, ясная погода располагала к отбытию в большие города на торжища, да и по нуждам всяким. Последний раз Арьян приезжал сюда ещё прошлым летом, потом затянула суета: уход матушки, недуг отца. Выезжать из стен и некогда было, и не зачем до того мига, как подошли к границам валганы.

С каждой саженью росла в нём тревога — застанут ли Гостивоичей в городе, ведь если тех в Излуче не окажется, все потуги с походом напрасны. След тревоги лёг и на лицо Данимира. Да и что скажет сам князь Гостивой, увидев целую ватагу кметей? О добром явно не подумает. Удача. Только удача.

Арьян вдохнул глубоко. Даже если братьев не застанут в городе, поедут по другим весям, в мелких острогах поднимать людей. Понемногу, а дружина приличная должна набраться. Так просто Арьян уже не оставит всё. Уже нет. Назад, в Явлич путь отрезан обещанием, данным самому себе. И исполнит он то обещание во что бы то ни стало. Ярость разрывает на части, и она не даст покоя.

Приблизившись к посадке, послали вперёд Мечеслава с кметями, чтобы предупредить хозяев о гостях приближающихся. Арьян уж и не чаял на землю ступить. Боль под рёбрами беспокоила всё больше, в груди будто камень застрял, мешая дышать. Арьян привык не показывать своих мук перед другими да перед самим собой, держался в седле, как и все, ровно, терпеливо снося усталость и изнурительную жару.

Дымилось вдалеке капище местное. Большак, по которому ехали всадники, вскоре разветвился на множество дорог, но путники следовали прямо, проезжая выселки да постоянные дворы, людные и шумные, а ведь издали и не скажешь, что дорога непроходимой окажется. Ворота дубовые, массивные раскрылись, едва дружина проехала помост, перекинутый через глубокий ров, впуская ватагу внутрь детинца. На дворе широком суета поднялась такая, что и

непонятно стало, где свой, а где чужой кметь. Встречали шумно, вышли едва ли не все, мелькали только под навесами цветные понёвы женщин, да показывались молодые юркие девицы-чернавки, выбежавшие полюбопытствовать на пришлых мужчин. И тяжёлый груз упал с плеч, когда Арьян, спустившись наземь, подавляя острую боль, что пронзила грудь, да передав конюху молодому своего жеребца, заметил среди столпившихся встречающих медноголового Ерислава. Но его ли, или это Заримир? Арьян с первого взгляда и не признал — близнецов так просто не отличить, да и не виделись десятый месяц к ряду, хоть мало что могло измениться в их внешности. А когда княжич, за приметив Арьяна, улыбнулся широко, открыто, прищурив глаз правый, так и узнал в нём гость Ерислава. Блеснула в ухе правом и серьга золотая, вдетая ещё с младенчества отцом, чтобы как-то отличать сыновей. А как оказались грудь перед грудью, обнялись по-братски, дружественно.

— Я уж, грешным делом, думал, что ты и дорогу забыл сюда, — радостно грянул Ерислав, в глаза вглядываясь. Горел в его зоре огонь удали и молодости.

— Виноват в том, не спорю, — согласился Арьян, оглядывая возмужавшего друга. — Да ты и сам не сильно радовал своим приездом, всё мимо да всё в спешке. А теперь я к тебе, как видишь, не один, — он повернулся к своим побратимам, подзывая Данимира, — с дружиной своей.

— Да, это трудно не заметить, — хохотнул княжич, глаза всё хитро щуря.

— Эк праздник у нас затевается, надо ж! — раздался за спиной Ерислава голос Заримира.

Арьян повернулся, выхватывая взором и второго сына Гостивоя. Вихры его костром полыхнули в солнечных лучах. Тут и Данимир подрос, и вместе друзья объятиями крепкими братскими скрепились, как цепями железными, нерушимыми. Заримир оглядел каждого долго.

— Вот и свиделись вновь.

Последняя встреча закончилась для обеих сторон весьма шумно, Арьян до сих пор помнил, как на спор пили мёд из бочонка, а потом, захмелев, рвались с медведем сразиться. Закончилась эту гульба для всех весьма скорбно. Арьян ещё легко отделался, а вот Ерислав поплатился клочком кожи, выданным со спины. Ерислав на ватагу глянул, хитро щуря глаза. Он-то уж догадывался видно, что приехали вовсе не праздник плодородия гулять с двумя десятками вооружённых воинов.

— Пошли в дом, — пригласил широким жестом он, и друзья, не мешкая, последовали за близнецами.

Арьян с Векулой и Мечеславом переглянулся, десятник кивнул, давая знак, что справится со всем. Терем княжий сложен был по-иному. Имел два яруса: нижний жилой, где летом и зимой царила прохлада, и служил он больше для хозяйских нужд, и верхний жилой. Туда сразу и поднялись по крутому крыльцу, уходящему вверх едва ли не под самую крышу. Минувая множество ступеней деревянных, мужчины вошли в широкую светлицу с низким потолком и широкими столбами резными. По стенам — лавки, по верху — полати, посередине — длинный стол с лавками берёзовыми, и пахло здесь смолой древесной да сеном, которым выстелен был пол. Ерислав вперёд к столу прошёл, тут же высочили и чернавки, поднося путникам братины полные ледяного, с погреба, сбитня — испить с дороги. Из открытых дверей виднелось другое помещение, там, дальше, женская сторона. И голоса девичьи да смешки оттуда начали разноситься, да мелькать — подолы юбок, как бывало в прошлом, когда Вячеславовичи появлялись здесь. Правда, входить пока ещё никто не решался, хоть Данимир уже поглядывал в ту сторону каждый раз.

Испили холодного сбитня, и сразу легче стало. Молча рассевшись вдоль стола, друзья всё переглядывались, решая, как да с чего начать.

— Как здоровье князя Вяжеслава? — начал Ерислав, который всегда брал первенство. Оно и понятно, первым на свет появился он, первый разрезал тишину криком, едва появившись из утробы матери.

— Сейчас уже лучше, — ответил Арьян. — Гостивой здесь, в Излуче? — поспешил перейти сразу главному, хоть знал, что торопится сильно.

— Тут, — кивнул Ерислав, с братом переглядываясь.

— Я приехал о помощи вас просить.

— Понятное дело, что не хороводы с девками кружить, это был бы не ты, Арьян, — ответил Ерислав, нахмурившись.

— Путь наш лежит к реке Вель, — проговорил Данимир, видно теряя терпение, да и дорога безостановочная все силы забрала.

Серые, как сталь булатная, глаза Ерислава потемнели гуще, Заримир, напротив, расправил плечи, будто всё ему стало ясно, смотрел с пониманием. И теперь один от другого отличался ясно.

— По толкам людским ведомо нам, что вы уже с дружиной своей побывали там, — высказал вслух мысли Ерислав, придвигая кувшин пузатый, вливая сбитня в чару резную.

— Развели, что и как, — уточнил Арьян. — Становище их большое, и воинов много. Нам бы ещё сотню набрать.

Ерислав задумчиво огладил длинную щетину, сдвинул брови, задумчиво посмотрел перед собой, что-то обдумывая, решая. Заримир тоже взглядом неспешным скользнул по княжичам. Данимир заёрзал, уж не зная, чего ждать, какого ответа. Вновь в тишине разленившейся, вязкой смешок раздался. Арьян повернул голову, но в переходе длинном, залитом огненным закатным светом, не увидел никого.

— Добровольцы будут, — наконец сказал Ерислав. — Сотню наберём, только не вовремя вы собрались. Под самый праздник. Выждать бы нужно.

Арьян опустил взор, раздумывая над сказанным. До праздника три дня ещё.

— Долго, — ответил он, встречаясь взором с другом.

— В таком деле лучше не спешить, а после праздника и больше соберём. Мы и сами желаем раздавить гадов, но здесь лучше подождать.

Переглянувшись с Данимиром, Арьян ощутил лишь, как нетерпение каменеет под сердцем. Принять это решение трудно, но Ерислав прав. Тот, прочитав на лице старшего княжича хмурость, улыбнулся широко, придвигая чару.

— Пока гостями будьте, давно вас не было, потолкуем, есть ведь о чём, а потом грянем на врага, сотрём в прах.

Арьян невольно тоже улыбнулся, вторя другу, от слов утешительных легче хоть и не стало, но посветлело на душе. Поднял чару тяжёлую, отпил.

— Ты расскажи вот что, — начал Заримир, пронизав княжича взглядом острым, заинтересованным. — Слышал я, ты взять в жёны надумал Всеславу, дочку Варкулы.

А Арьяна в боку даже кольнуло остро от вопроса неожиданного. Княжичи видно не знают о случившемся.

— Нет, Заримир, она мне больше не невеста.

— Ха! Как это? Что-то я не понял, — Ерислав обхватил чару, вновь к себе пододвигая. — Помню, как глаза твои хмелели, когда говорил о княжне зеленоглазой.

Говорить не позволили вошедшие прислужники, извещая, что баня истоплена.

— Потом расскажу, — Арьян вернул взгляд на братьев, уходя от ответа.

— Хорошо. У нас ещё много на то времени, — соглашаясь, поднялся Ерислав во весь свой могучий рост. — А сейчас прошу в баньку, с дороги попариться. Людей ещё расселить нужно, а вечером как соберёмся, как пошумим да на весь детинец.

Поднявшись, Арьян крепким пожатием руки скрепил слова его.

Когда братия оказалась в предбаннике, солнце уже село, погружая детинец в прохладу. Поползли холодные тени, остужая нагретую за день землю, что даже трава поднялась, соком напитавшись. Пар да горячая вода ещё больше размягчили тело, разморили, делая его свинцовым, неповоротливым, и уснуть бы крепким сном, да берёзовый веник, промоченный в варе, обрушивался раз за разом на спину, выдёргивал Арьяна из полудрёмы. Не удалось уйти и от расспросов. Братья узрели рубцы затянувшиеся, но ещё не сошедшие с кожи, да не дали долго побыть в покое. Вынудили рассказать и о Всеславе, и о том, как напал на него его же человек из дружины, и как в огненную навь едва не сошёл. И от того сделалось ещё тяжелее.

А после, как и обещал Ерислав, во дворе дружинном сдвинули столы широкие под открытым ночным небом, накрыли богато, возожгли костры, расстелили шкуры по скамьям, по случаю завалили секачей молодых да над огнём на вертела подвесили. Шумно стало, и о бремени своём Арьян позабыл. А потом за чарой другой, спор жаркий затеялся.

— Они страха не имеют! Думают, бесам этим дозволено всё! — грянул Ерислав со своего места, сверкая одичавшим, разожжённым вином горячим взором.

— Если уж на княжичей нападают, то что говорить о народе простом? Кто их защитит? — подхватил Заримир, оглядывая собравшихся мужей за столом.

Те ярились только с каждым словом, каждый понимал, что спускать такое с рук уже невозможно.

— Ждать, пока окрепнут да нападут первыми? Разве мы трусы какие или немощные, разве оружие не сможем взять в руки да показать, кто здесь хозяева? Разве не укажем на то, что земля эта наша и бесчинствовать на ней мы не позволим? Врагу не отдадим! Своё отстоим!

Мужи переговаривались, соглашаясь с каждым сказанным словом, пока новая волна гнева не обжигала сердца, не давая покоя.

Многое за этот долгий и шумный вечер было говорено. Арьян уже и сбился со счёта, сколько чар медовухи и вина испил, только потяжелели руки и ноги, в голове зашумела кровь, да взор блуждающим стал. Понял, что с него довольно, когда пролил на стол брагу. Уж было Митко хотел подозвать — сам, верно, и не дойдёт — как задержал его Ерислав, запястье сжал крепко, к столу пригвоздив.

— Посиди ещё с нами, куда тебе торопиться?

Арьян повернулся, собираясь возразить другу, да взор его застыл, когда выхватил девицу, взявшуюся неведомо откуда. Не сразу он узнал в ней Дану, сестру княжичей. Так изменилась она, что и не признал, или выпитое виной тому?

Глаза серые, живые, с узкими зрачками. Волосы блестящие цвета золота. Тонкий нос с узкими крыльями. Маленькие губы алые, будто сок клюквенный. Она сидела с прямой спиной, расправленными плечами и взглядом спокойным — настоящая княжна. Дана была не одна, с младшей сестрой Люборадой. И понял гость, что не пьян он, что за год обе девицы изменились сильно.

Дана посмотрела на Арьяна как-то густо и долго, губ коснулась улыбка лёгкая и исчезла тут же. Она опустила ресницы, отводя взор, а на белой коже румянец проявился.

— Ну, здравствуйте, боярышни, — поздоровался за обоих Данимир, за ним и не убудет.

Люборада хоть и на зиму младше, но тоже девицей видной стала. Медная коса, кудрями мелкими обрамлённое привлекательное лицо с серо-зелёными глазами и тёмными бровями. В отличие от сдержанной Даны, сестра не считала нужным как-то проявлять своё величие, подвижной и живой казалась с виду. И видимо, её смех он слышал в горнице.

Арьян, склонившись к Ериславу, ответил:

— Данимир с вами посидит, он куда разговорчивее, чем я. Тебе ли это не знать, — поднялся, оправляя пояс, вылез из-за стола, оставляя друзей, зашагал прочь, чуть пошатываясь, направляясь в сторону хоромин, думая только об одной.

Глава 2

Погода портилась, клубились тучи над ровной гладью воды, сыпала морось, которая водяным панцирем покрывала волосы и одежду, делая её тяжёлой. Валганы сошли с ладей, когда влил дождь — он задержит на берегу надолго, потому хан распорядился поставить палатки и, чтобы не терять всё же время, отправил вперёд двоих всадников с приказом приготовить шатёр для его будущей жены, и чтобы по приезду, встречали княжну Мирину как подобает.

Хан посмотрел в небо, лицо омыли холодные капли. До Вершуха они доберутся к обеду, хотя, если дождь не прекратится, то позднее. Всю дорогу размышлял о том, что выведал Угдэй о княжичах. Как теперь поступить? Он осознал, что нужно менять всё: и место становища, и часть людей отправлять назад, в степи. Угдэй хмуро глядел на вождя и молчал. Батыр потерял покой, когда разузнал, что затеяли княжичи Явлича. Что ж, если те сколь же настырны, сколько глупы, он готов их встретить.

Дождь прекратился, и по кошке стучали редкие тяжёлые капли. Вихсар смотрел на палатку, где находилась княжна, и думал обо всём, но прежде всего, о том, как поход его в земли воличей обернулся для него угрозой смертельной схватки. Разорвёт глотку тому, кто попытается напасть на него, кто посмеет отнять то, что принадлежит ему. И пусть поможет ему в этом Великий Тангрин.

От княжны он старался держаться подальше, перебарывая мучительную тягу к ней, которая пожаром горела внутри, и огонь этот заполнял до самых краёв, превращая его в тень. Находиться с ней рядом было опасно, и прежде всего для неё. Вихсар привык всегда получать то, что желает, он никогда не заставлял себя сдерживаться или ждать, особенно — согласия женщины. Он желал Сугар, и это доводило до безумия. Ни одну женщину он ещё не вожделел с такой бешеной силой, до помутнения. Быть рядом и не сметь касаться её — безумие. Он может сорваться, и так на грани. А это недопустимо, когда уже так близок к тому, что Сугар полностью станет его.

Пола укрытия, где находилась княжна, вдруг приоткрылась, и оттуда выглянула невольница. Девка жестом подозвала Тимина, что выскользнул наружу, как только прекратился дождь, чтобы проверить лошадей. Они о чём-то переговорили быстро, а следом отрок развернулся и напрямик побежал к палатке, где сидели Вихсар с батыром. Вид у Тимина был беспокойный, он, преклонив голову, бросил короткий взгляд на вождя.

— Говори.

— Княжне нездоровится.

Этого Вихсар и боялся. Он поднялся с расстеленных на земле шкур. Широким шагом ступая по размягчённой сырой земле, прошёл к укрытию. Откинув полог, нырнул внутрь. Мирину он нашёл сидящей на шкурах, голова её не покрыта была, и выбившиеся из косы волосы переливались в тусклом свете, будто снег. Одежда сухая — успела переодеться.

Пленница вжалась вся в угол, бросая опасливый взгляд на ворвавшегося хозяина.

— Оставь нас, — попросила её княжна, и голос её прозвучал хрипло.

Прислужница незамедлительно выскользнула из палатки наружу. Мирина, проводив девку взглядом, обратила его на Вихсара. Что ей нездоровится, было видно сразу — неестественный румянец на щеках, глаза уставшие. Вождь продвинулся вперёд, пригибаясь под низкой кровлей, опустился рядом. Мирина подобрала под себя ноги, прячась под ворохом шкур, освобождая ещё больше места. Хан посмотрел на сложенные руки с узкими запястьями. Мирина вдруг сжала пальцы, убирала их под шкуры. Она его остерегается, не желает, чтобы прикасался к ней. Он и не станет. Постарается.

— На счёт того, что нужно брать с собой знахарку, я соглашусь. До становища осталось ещё полдня пути.

— Не переживай, хан, я выдержу, не первый раз такое, — опередила его с ответом княжна, но он не стал гневаться, видя её, такую хрупкую, трепетную, свою воинственную Сугар, которая исцеляла его, а себя не может. — Я всего лишь попросила помощницу заварить мне нужных трав, а она проболталась. Ты бы о том и не узнал.

Он всё же не смог сдержаться и протянул руку, касаясь её щеки, такой горячей, сухой и немного обветренной. Мирина не отпрянула, и острая потребность сжать её в объятиях пронизала до самой глубины.

— Я и не сомневался, — он огладил её шею, смотря на её губы, тоже бордовые от поднявшегося жара. — Только... — он склонился ближе, нависая, вдыхая тёплый тонкий запах, — не нужно от меня ничего утаивать, — проговорил он, лаская пальцами шею. — И называй меня по имени, когда мы одни.

Мирина задержала дыхание и не отпрянула, только дрогнули ресницы, тень от них упала на глаза, делая их цвет глубоким и мягким.

— Я хочу, чтобы ты ко мне прикоснулась, Сугар.

Княжна помедлила, раздумывая. Грудь её поднялась во вдохе, а потом Мирина положила свою ладонь на его руку, отстраняя от своей шеи. Вихсар сжал тонкие пальцы, такие же горячие, как пылающие жаром щёки, поднёс к себе, прижал к своей груди, к сердцу. Княжна сглотнула, облизывая пересушенные губы, одурманивающие не хуже вина, их влажный блеск и мягкость необоримо манили прикоснуться.

— Поцелуй меня, — попросил.

Мирина моргнула, порываясь высвободить руку, но он не позволил.

— Я не могу, — сказала, отводя взор.

Вихсар выпустил её руку, сковав точёный подбородок пальцами, повернул её лицо к себе, приблизился настолько, что горячее дыхание княжны опалило его губы.

— Почему нет, ты же хочешь.

— Я не знаю, — приглушённо ответила она.

Вихсар припал к её губам сам, заставляя её замолкнуть, касаясь и лаская их, вбирая, пробуя на вкус. Такая послушная, податливая, сводит с ума. Внутри творился настоящий огонь, он бурлил, сжигая его всего, разгоняя пламя по венам, отяжеляя и пьяня ещё сильнее, сталкивая в эту разрывающую на части агонию.

— Гордая княжна, — прошептал ещё тише.

Её лицо преобразилось, и вид её стал такой ранимый и искренний, что это причинило почти боль, он впился в её губы снова, сочно и чувственно. Мирина и на этот раз не отпрянула. Вихсар поздно понял — лишь потому не отталкивает, что слаба сейчас. Понимание это разрушило в нём всю надежду, что получил от её ответа, стёрло его в прах. Он нехотя отстранился.

Мирина вдохнула, поднимая бархат ресниц, прояснился затуманенный взгляд.

— Отдыхай, пока есть на то время. Я знаю, ты сильная.

Вихсар поднялся, заставляя себя покинуть палатку.

Вихсар вернулся под навес и отдал приказ всем задержаться ненадолго. Тем лучше — пока можно было спокойно всё водрузить на обозы, да и дорогу к тому времени обветрит. Как бы ни тянулась душа оказаться поскорее на месте, но здесь уже и не поторопишься.

Кода тучи расступились и посветлело немного, из палатки вышла княжна, вновь собранная, волосы спрятаны под покров, румянец исчез, и теперь она казалась совсем бледной. Вихсар только сейчас начал понимать, какую жемчужину нашёл той зимой. И страшно становилось от одной мысли, что мог и в самом деле сломить её, раздавить, как бабочку, своей грубостью, жестокостью. И это выворачивало наизнанку.

Собравшись вновь в дорогу, пошли по берегу неспешно. Становище завиднелось тогда, когда день перевалил за середину. Кругом было тихо, по-прежнему поднимались к небу столбы дыма от множества костров. Погрузившись в высокий бурьян, сбивая обильную дождевую

росу, всадники поспешили, погнали лошадей едва ли не во весь опор. Хотелось оказаться поскорее в тепле и сухости, поесть горячей пищи. Их встречали. От внимания хана не ушло, как женщины косились на княжну, которая свободно ехала наравне со всеми, всадницей. Пусть и молчали, но скрыть своё удивление не способны были.

Много времени ушло на то, чтобы распределить всех да выслушать каждого, ещё прошло время, пока Вихсар дал указание позаботиться о здоровье княжны. Настали уже сумерки, когда хан зашёл в свой шатёр. В нём уже горел очаг, приятно пахло горько-сладким вином. Женщины управлялись, принося воду, сухую одежду. Не успел Вихсар скинуть сапоги, а женщины — омыть ему ноги, как в шатёр вошёл Атлан. Батыр вернулся от отца с ответом ещё два дня назад, и хан готов был его выслушать.

— Проходи, — указал ему место Вихсар.

Воин медленно прошёл к очагу, устраиваясь у огня, тут же ему были поданы чаша с вином и фрукты.

Сменив одежду на сухую, Вихсар присоединился к батыру, так же устраиваясь у очага. Двигаться свободно не давала рана, которую стоило бы перевязать, но этим он озабочится потом, хотелось немедленно узнать известия от отца. Отпив терпкого вина, Вихсар глянул на молчаливого Атлана.

— Я всё передал вождю, как ты велел, хан. Хан Бивсар выказал недовольство.

Вихсар вновь припал к чаше, смачивая горло тёплый напиток. От отца такого и стоило ожидать, он всегда был чем-то недоволен.

— Он сказал, — продолжил Атлан, глядя в глаза, — что не даст войско. Он разочарован. И просит вернуться домой.

Вихсар выслушал батыра, признавая, что такого ответа он всё же не ждал от отца. Отказ костью поперёк горла встал.

— Что он ещё сказал?

Атлан выдохнул.

— Сказал, что чужая земля отнимает у него сына.

Конечно, Вихсар хорошо помнил разговор, случившийся с Бивсаром, прежде чем молодой вождь покинул родной край — не враждовать с племенами Рязеского леса. Он всё это помнил. Но теперь это обещание стало невыполнимым. Он его уже нарушил, взяв княжну в свой лагерь. Нарушил ещё зимой, и верил до этого мига, что свято чтит волю хана Бивсара.

Атлан припал к чаше, осушая её до капли. Вихсар погрузился в размышления, которые стали мутными и тягучими. Он устал, и нужно было время, чтобы всё хорошенько осмыслить и понять, что теперь делать дальше. Но одно виждь знал точно — он не вернётся.

Полог откинулся, и в шатёр вошёл Угдэй. Хмуро глянув на Атлана, он прошёл к костру, опускаясь напротив соратника.

— Когда нам ждать войско? — спросил он у хана, принимая из рук прислужницы чашу вина.

— Ждать некого, оно не придёт, — бросил Вихсар, откидываясь на подушки, неподвижно смотря на всполохи огня.

Угдэй даже вином поперхнулся, остро глянув на Атлана, который принёс плохую весть.

— Как это? — не понял батыр. — Неужели хан Бивсар...

— Отказал, — ответил Вихсар, не желая более о том говорить.

Настала тишина. Вождь прикрыл веки, слушая, как гудит огонь, а по кровле вновь застучали капли, напоминая ему о том, что нужно переговорить ещё со знахаркой, которая должна быть сейчас возле княжны.

— И что теперь делать? — разорвал тишину Угдэй.

Хан открыл глаза, расплылись всполохи огня пред глазами, он бросил косой взгляд на батыра.

— Собирать людей, — проговорил в ответ. — И считай, сколько у нас своих сил.

— Нужно уходить подальше отсюда.

Вихсар резко сел, сбрасывая сонливость, взорвавшаяся боль в рёбрах просыпала багряные всполохи в глаза. Вихсар врезавшись взглядом в батыра, прошипел гневно:

— Ты считаешь меня настолько малодушным, Угдэй? Думаешь, что я побегу?

— Нет, я так не думаю, — склонил батыр голову, признавая свою неучтивость. — Но я дал клятву хан Бивсару беречь твою жизнь.

Вихсар посмотрел на него долго, и батыр встретил его взгляд твёрдо.

— Пока что я не собираюсь покидать это место. Если княжичи желают приехать, пусть приезжают, если ворвутся с мечом, значит, отвечу тем же. Если суждено пролиться крови... От судьбы не уйдёшь, Угдэй, тебе ли это не знать.

Батыр дышал шумно, обрывисто, он стиснул челюсти, и отсвет от костра залил черноту его глаз.

— И если ты так предан, — продолжил Вихсар, — не только мне, но и моим замыслам и стремлениям, то останешься со мной до конца. Решай. Либо ты служишь мне, либо отцу. Пока у тебя ещё есть на то время.

Атлан, что сидел неподвижно, растерянно пошевелился, наполняя кубок вином. Огонь в глазах батыра поутих, Угдэй склонил голову.

— Я верен тебе, хан Вихсар, во всём.

— Это третье и последнее моё предупреждение, — отодвинулся хан, отставил чашу.

Угдэй помолчав, поднялся вдруг, а потом пролился по земле сквозняк. Батыр ушёл. Вихсар бросив тяжёлый взгляд на Атлана, тоже подобрался. Подхватив плащ, накинув его на плечи, хан поспешил покинуть шатёр. Говорить больше было не о чем.

Хан вынырнул в освещённый факелами и кострами лагерь, который продолжал жить своей жизнью. Было уже темно, и по небу по-прежнему ползли тучи, клубились так низко, что казалось, цепляли высокие стяги над шатрами. Тучи сбрасывали на землю редкие ледяные капли. Они падали то на скулу, то на шею, стекая за ворот к груди, оставляя холодные следы. Пахло сыростью и горьким дымом — запах, сопровождающий всю его жизнь, запах степи и жизни под открытым небом. И небо впервые казалось таким неприветливым, чужим, враждебным и далёким. На миг Вихсару померещилось, что с глубоких недр опускается огненный смерч, готовый обрушиться на него и испепелить, стереть в пыль. Хотя Вихсар не понимал, откуда в нём могли возникнуть дурные предчувствия.

Вождь тряхнул головой, вслушиваясь в звуки лагеря, голоса разносились по всему становищу от края и до края, изредка налетающий ветер выкидывал шум в бескрайние просторы — всё оставалось прежним. Только он стал другим, и что тому было причиной, хан никак не мог понять. Он глянул через морось на ещё один воздвигнутый шатёр в женской стороне. И всё же его разрывало в клочья от одного чувства, что Сугар вновь здесь, рядом с ним, пусть ещё и не обладает ею. Развернувшись, широким твёрдым шагом направился туда, где и пребывала сейчас Мирина. Миновав стражников и зайдя за высокий плетень, хан вошёл в низкую дверь, сразу погрузившись в тепло и сухость. Запах трав окутал и расслабил. Женщины, разглядев того, кто явился к ним, преклонили головы, пряча глаза, разбежались каждая по своим делам. Среди прислужниц оказалась и Хайна. Вихсар прекрасно помнил, как до недавнего времени надсмотрщица смела поднимать кнут на Сугар.

— Что ты здесь делаешь?

Хайна ещё ниже опустила голову.

— Прости, Великий Хан, я хотела помочь...

— Твоё дело — смотреть за другими девками.

— Да, хозяин. Я ухожу.

Женщина поспешила выйти, пуская в шатёр холодный воздух. Вихсар оглядел тканевые занавесы, освещённые глиняными светцами. Прислушиваясь, прошёл вперёд, отодвинул край ковра, заглядывая внутрь, в густо освещённое очагом помещение. Увидел помешивающую что-то в чугушке над костром Садагат. Целительница повернула голову, едва Вихсар откинул полог шире, чтобы войти. Здесь запах стоял совершенно иной, к травам примешивался и аромат цветочных масел, вынуждая вдыхать глубже. Мирина лежала на постели, лицо её было отвёрнуто, волосы расчёсаны, уложены по плечам. Грудь мерно поднималась и опускалась. Княжна не пошевелилась, когда Вихсар накрыл её своей тенью, она спала. Укололо какое-то разочарование, что не услышит её голоса, которого будет достаточно, чтобы уснуть спокойно. Оторвав взор от Мирины, Вихсар повернулся к Садагат. Он знал её много лет и доверял ей, наверное, больше, чем Угдэю, хоть видел её редко. Одетая женщина была просто, в халат из серой прочной ткани, на голове налобная повязка, украшенная тремя рядами сложенных в чешую монет, что позвякивали и мерцали при каждом её движении. Садагат была возраста преклонного, но выглядела лишь зрело, карие глаза подведены были чёрной краской, из-под плата выбилось несколько тёмных, пронизанных сединой прядей. Перестав мешать отвар, женщина сдёрнула с плеча рушник, ловким движением сняла чугунок с огня.

— С ней всё хорошо, завтра встанет на ноги и не вспомнит о жаре. Я ей снадобий сонных дала и трав кое-каких, чтобы жар сбить, — разъяснила знахарка после некоторого раздумья. Она перелила отвар в чашу деревянную, изрезанную символами неба и земли. Густой пар окутал Садагат.

— Я слышала, что ты хочешь сделать её своей первой женой.

Вихсар невольно глянул на княжну, но та по-прежнему дышала ровно, глубоко. Вспомнил ощущение её мягкой кожи на своих пальцах и след тёплый на губах. Как упрямо не решалась касаться его. Она боится своих чувств, боится признать их и желать его так же, как вождеем он её. Ему не нужны другие, только её тепло он жаждет чувствовать, видеть желание только в её синих, как небо, глазах, слышать её лишь голос, целовать каждый раз вновь и вновь, ведь ей невозможно насытиться, невозможно напиться такой чистой, прозрачной, живой силы воды.

Не услышав никакого ответа, Садагат обернулась, шуря хитро карие глаза и от чего-то улыбаясь. Она не осуждала его решения. Вихсар никогда не считался с другими, а тем более, не согласовывал своих решений, они всегда были его личным делом, но сейчас спокойствие знахарки было ему нужно. Подняв тяжёлую чару, Садагат прошла к хану, чуть склонив голову, протянула отвар.

— Это для тебя, хан, мне ведомо о твоих ранах, и я обязана позаботиться и о тебе.

Вихсар принял приготовленное снадобье, но только из уважения к целительнице.

— Правда хан Бивсар не совсем одобрит твой выбор, Вихсар.

Хотел он сказать, что ему не важно суждение отца, но промолчал, отчасти это было не совсем так. Всё же был его сыном, и в жилах течёт его кровь, отречься от которой и не смеет, и не может.

— Я не знаю, что будет дальше, — ответил только хан, отпивая горячего резко пахнущего отвара, вязкого и горького на вкус. Жар немного смягчал его.

Садагат вздохнула и отвела взор, обращая его к огню. Блики пламени играли в монетах на лбу и висках, лицо её в этот миг казалось моложе и вместе с тем было задумчивым.

— Никто не знает, даже боги. Главное, быть честным со своим сердцем.

Вихсар хмыкнул. Быть честным не всегда выходит, и оставаться таковым сложно.

— Я не знаю, честен я, или нет.

Теперь пришёл черёд улыбнуться знахарке, глаза её блеснули живым огнём, вовсе преобразая её лицо, сосредоточенное, мудрое.

— Об этом узнать можно только сквозь время.

— Ты говоришь загадками, Садагат.

Уголки её губ дёрнулись в улыбке, она смотрела со своего низкого роста и верно о чём-то знала, только говорить не хотела. Хотя это могло ему привидеться. Вихсар отпил ещё, чувствуя, как по телу разливается волна тепла. Вязкая тишина начала убаюкивать, как заботливая мать.

— Быть честным, хан, это значит не предавать себя. У этой чужачки сильное сердце, в нём живой огонь, если хочешь, чтобы она открыла его, отдай то, что принадлежит ей.

Вихсар нахмурился, догадываясь, на что указывает женщина.

— Я не отпущу её, Садагат, — ответил он резче, чем того хотел.

Женщина покивала, соглашаясь с его намерением. Вихсар, испив взвар, вернул чашу на стол.

— Свадебный обряд будет через два дня, и я хочу, чтобы ты подготовила её и оставалась с ней, я не могу доверить это Хайне.

— Это честь для меня, хан, — склонила голову женщина в благодарности.

Вихсар, сжав челюсти, бросил последний взгляд на княжну и пошёл к выходу. Слова Садагат осели мутным осадком, пронизывая, как холодные капли, всё ещё падающие с неба и сулившие быть ночному дождю.

«О чём она говорила?» — думал он и не мог понять, или не хотел.

В шатре уже никого из батыров не оказалось, но очаг всё горел, наполняя помещение красновато-золотым светом, очерчивая все предметы мягким туманным свечением, погружая Вихсара в спокойствие. То, что здесь он был не один, Вихсар ощутил, едва только войдя, уловив смесь густых, сладких цветочных запахов. Из вороха подушек на звук с пола поднялась одна из девушек. Костёр сразу выхватил её изящные формы в полупрозрачной рубахе до колен с вырезами по бокам, что открывали стройные ноги, загорелые, смуглые. Чёрные волосы водопадом струились по плечам к бёдрам, золото огня переливалось в них волнами. Айма, неотрывно смотря на хана, подошла неспешно, плавно, бесшумно, босые ноги мягко ступали по ковру. За ней поднялась и Ирада, волосы той были заплетены в косы, на ней тоже была рубаха, облеплявшая приподнятые, чуть заострённые груди, но под ней виднелись просторные штаны, прихваченные на щиколотках тесьмой. Она подняла длинный сосуд с маслами и с вином, принялась разливать в чаши.

— Ты вернулся, — проворковала текучим елеиным голосом Айма, едва приблизившись. — Я скучала, хан, — запрокинув голову и встряхнув шёлком волос, она смотрела из-под опущенных ресниц тягуче.

— Я не посылал за вами, — ответил сухо Вихсар.

Айма моргнула, казалось, растерялась. Ирада застыла на своём месте, видно опасаясь гнева.

— Тебя так долго не было, хан Вихсар, — пролепетала Айма, прижавшись к холодному, пришедшему только с улицы мужчине трепещущим горячим телом.

За своеволие в другой раз он бы выставил их вон, обрушив на них свой гнев, но не сейчас, когда так устал и напряжён до крайности, будто зажатый в тиски тяжким бременем, не отпускаявшим все эти дни. Объятия и близость наложницы расслабляли. Вихсар не оттолкнул её, позволив обоим остаться, только лишь бы забыться на время. Айма всё поняла сразу, положила ладони на твёрдую грудь мужчины, сняла плащ с могучих плеч, опустив его на сундук, сворачивая неспешно и бережно. Девушка села на пол перед ханом, стягивая сапоги, встав на колени, принялась расстёгивать кожаный пояс, так же свернула и положила его на плащ. Всё это походило на какой-то ритуал, впрочем, оно так и было. Айма поднялась на носки, потянувшись к губам Вихсара, желая одарить своей лаской. Он, ощущая колебание её дыхания на своём подбородке, смотрел сверху, утонув в черноте глаз наложницы. Длинные тёмные ресницы делали эти глаза колодцами глубокими, порождающими дрожь. Из всех наложниц глаза

у Аймы были самые чёрные, они, как тягучая вязкая смола, обливали его, обездвиживая. Это не синева чистых родниковых глаз Мирины, а топи, в которых вместо того, чтобы воспарить, камнем шёл на дно. И только одно желание возникло в нём — раздавить и сокрушить, смять и подчинить.

Вихсар с напором погладил ладонями её тело, ощущая под тканью мягкой плавные изгибы спины, талии, округлых бёдер, чувствуя, как горящим сгустком падает томительная тяжесть вниз живота, вызывая острое, до багряных всполохов в глазах, скручивающее в узел мучительное вожделение, скопившееся за время пути в Ровицы. Айма пробуждала зверскую жажду и голод, порождая одно единственное желание — вторгнуться и завладеть. Вихсар одним рывком подхватил девушку под бёдра, отрывая от пола, прижимая к себе, достиг очага, опрокинул девицу на выстеленные прохладные меха на полу, лёг на неё сверху, прижимая весом своего тела к земле, впиваясь бешено и жадно во влажные мягкие губы, терзая их и прикусывая, проникая языком вглубь. Айма отвечала с жаром, обхватив шею, пронизывая волосы пальцами.

Собрав ткань рубахи в кулаки, Вихсар рванул края в стороны, оголяя грудь, колышущуюся под его натиском, на меха постели посыпались бляшки. Хан обхватил полные горячие груди с набухшими тёмными сосками, припадая к тугому узелку губами, ощущая солоновато-сладкий вкус на языке, прикусил, а потом втянул в себя, посасывая. Айма выгнулась, издав тягучий стон, бесстыдно раскрыв колени под каменным станом хана.

Наложница так просто и сразу не далась, вдруг извернулась, и теперь он оказался снизу. Девушка сползла, как горячий воск, вниз, к животу, оглаживая бёдра, колени, спуская вниз ткань штанов, скользнули губы по каменной плоти, опрокидывая Вихсара в пучину блаженства. В то время со спины подошла Ирада, он почувствовал, как её тёплые нежные руки коснулись плеч, смяли, помассировав напряжённые тугие мышцы.

— Ты так устал, великий хан, расслабься, — прошептала горячо Ирада.

Вихсар слышал её уже через туман, ласки Аймы поднимали его на гребни волны, чтобы вновь опрокинуть на горячий песчаный берег, вынуждая задыхаться от жажды. Тем временем, ловкие пальцы Ирады расстегнули ворот рубахи, ворвались под ткань, огладили грудь. Рубаха быстро оказалась сдёрнута с него. Густое горячее масло полилось на шею, следом Ирада принялась растирать его кожу, втирая ароматные масла, сминая и оглаживая, он ощущал прохладные губы наложницы на ключице, тяжёлые косы упали ему на грудь, потом Ирада скользнула языком по плечу, оставляя влажные следы. Знающие толк в ласках, умеющие угодить ему, они делали всё, чтобы Вихсар смог забыть на сегодняшнюю ночь обо всём. Упругие губы Аймы на его плоти туго обхватили его, заскользили, облизывая языком, и дыхание Висара сбилось.

Ирада припали к его устам, вбирая вырывающиеся из горла стоны, обрывки дыхания. Горячие волны одна за другой ударяли, топили, вынуждая задыхаться в неге, били в солнечное сплетение, и он не смог сдержать в себе рвущийся наружу смерч. Подхватив Айму с пола, он грубо опрокинул девушку на шкуры, рухнул ураганом на неё, резко вторгаясь, погружаясь твёрдо в горячее мягкое лоно, что приняло его целиком, окунулся в вязкую глубину. Это опьянило мгновенно. Вихсар уже не чувствовал себя, а только одно единственное желание — разжать стискивающее капканом естество, проникая в лоно наложницы непрерывно и беспощадно, не давая время ни на передышку, ни на попытку вдохнуть. Неотрывно смотря в чёрные, как смоль, глаза, он видел сквозь них только одну, ту, что осталась сейчас в руках Садагат. Он окунулся в глубину, опрокидываясь раз за разом в синеву её глаз, загребая в кулаки белое золото её волос, вдыхая сладкий запах золотисто-молочной кожи. Ускоряясь и одновременно падая в кипучую, заглатывающую в недра блажь, Вихсар взорвался на тысячи огненных языков, растворяясь и исчезая во времени.

Волна блаженства сотрясла его тело, стирая все грани бытия. Он упал с края бездны прямо в пустоту, что забирала его без остатка в свои безмолвные объятия. Хан продолжал ещё

двигаться до полного опустошения, пока, обессиленный совсем, не выскользнул из ставшего чрезмерно влажным лона, оставляя своё семя.

Распластавшись на постели, он какое-то время не видел ничего, только черноту, тишина густым киселём облила его, придавливая к земле. Он слушал бешеный грохот сердца, а потом увидел тусклые всполохи огней, ощутил тягучие запахи свершившегося соития и губы наложниц, продолжающие блуждать по его телу мягко и мокро. Над ним оказались глаза Ирады, голодные, полные желания. Именно такое же ненасытное жгучее желание он хотел видеть в глаза княжны. Взяла злость, Вихсар обхватил наложницу за талию, развернул к себе спиной, ставя её на четвереньки, погладив по животу, бёдрам, слёрнул штаны, смяв жёстко ягодичы с бронзовым отливом кожи, скользнул меж ног, лаская нежные складки плоти, мокрой и мягкой.

Ирада, охнув, выгнулась, принимая его пальцы внутрь себя, задвигала бёдрами, насаживаясь плавно и быстро, разжигая в нём вновь неуёмный огонь вождения. Оно горячей лавиной прошло с головы до ног, сотрясая нутро. Вихсар подтянул девушку за бёдра к себе плотнее, обхватив лодыжку одной рукой и намотав чёрные косы на кулак другой, проник плавно и медленно, вбиваясь твёрдо и жёстко, размеренно дыша, закрыв глаза, слушая всхлипы. И вновь видел перед собой образ той, что разжигала в нём неутолимый огонь желания, таким близким и холодным светом сияла его Сугар.

Глава 3

День тянулся за днём мучительно долго. К вечеру, на исходе второго дня до праздника плодородия, каждый будет должен отдать дань земле и колу, принести щедрые требы и поблагодарить богов за минувший год и богатый урожай. Арьян измерил весь острог шагами, не зная, куда и примкнуться. Три раза в день собирались всеми в терме, чтобы вместе сотрапезничать да обмолвиться словом. Ерислав, как обещал, был занят сбором своей дружины. Князь Гостивой грозил лишить его всего, если тот всё же осмелится пойти на валганов. Он, как и князь Вяжеслав, был против того, но разве остановишь буйную голову. Не удержишь, уж как ни старайся, но в одном Гостивой всё же ограничил сыновей — увёл из детинца набранных кметей, поэтому братья поступили по-иному, решив проехать по всеям окрестным в тайне. И точил сердце Арьяна червь сомнения от того, что нарушает волю старших князей, да ничего не мог поделать, назад уже дороги нет, иначе он изменит самому себе, как жить потом с этим? Задумал даже испросить волю богов, да тут же и передумал — какой бы ни был знак, он не отступит.

Изредка сталкивались с братом днём. Данимир, похоже, один оставался, как и по обыкновению своему, расслабленный и даже в приподнятом духе, но только не в предчувствии предстоящей встречи с врагом. Другая у него ныне была забота, и имя ей — Люборада. Арьян в том убедился, когда ранним вечером встретил их милующихся в сумраке под яблоней. С одной стороны был рад, что братец позабыл связь с валганкой, которая оборвалась весьма скверно, но с другой, Данимир не о том думает. Хотя какая ему забота. Это Арьян весь истерзался, рзрываясь на части в смятении и ожидании.

Княжич посмотрел на закат, шуря глаза от пышущего алого зарева, распростёршегося по всему горизонту. Отсюда, с высоты крепостной стены, весь посад был как на ладони вместе с простирающимися до бескрайности лесами и холмами. Арьян вместе с дуновением тёплого ветра уловил тихие шаги, и они не похожи были ни на шаги брата, ни на шаги братьев-близнецов, ни на шаги Мечеслава, и уж тем более, Векулы. Княжич обернулся. Дана, казалось даже сбилась с шага.

Старшую княжну он видел редко за время пребывания в Излуче, а если и сталкивался, она прятала взгляд и даже, казалось, избегала, хотя раньше дочь Гостивоя не отличалась чрезмерной робостью. И удивило, что она сейчас делает тут. За её спиной он заметил и чернавок, что верно сопровождали молодую княжну, вступившую в пору на выданье.

— Добрый вечер, — поздоровался Арьян, когда Дана остановилась в шаге от него, опершись о брусья, устремляя взор на закат.

— И тебе доброго, княжич, — обронила она.

Сегодня княжна была особенно нарядна: в длинном, до пола, бледно-зелёном платье из парчи, расшитом бисером по вороту и рукавам, стягивающим узкие запястья, на голове венчик с подвесками разными — луницами да кольцами.

— Завтра все на реке будут костры жечь, песни петь. Весь посад соберётся, — начала Дана, оглаживая, будто невзначай, разохшееся на солнце дерево.

Арьян отвёл от неё взгляд, вновь глянув вдоль крытого перехода, где стояли ожидавшие княжну чернавки. Неспроста они тут встретились, и речи она заводит неспроста такие, и волнуется, исследуя пальчиками дерево.

— Ты ведь ни разу не был на нашем празднестве, а я слышала, уезжаете сразу после ночи Купальской.

— Сразу не получится, думаю, поспать в эту ночь не выйдет, раз будет шум такой, — усмехнулся Арьян.

Тишину разрушил смешок откуда-то с дальней стены. Дана вздрогнула, испуганно глянув в тени сруба, повернулась к княжичу, остро и пронзительно вспыхнули в её глазах последние отсветы заходящего за лесистый холм кола.

— Доброй ночи, княжич, — обронила она, отступая, торопясь уйти.

— И тебе, — ответил Арьян.

Княжна улыбнулась коротко, а потом, развернувшись, быстрым шагом, пошла к девкам.

Арьян стоял на стене, пока сумрак не опустился на острог, погружая даль в холодные сырые тени. Спустился с надвратной башни, решая найти Данимира. Брат оказался на дружинном дворе вместе с кметями, что разминались на ристалище. Двигался Данимир с изяществом молодого волка, нападая быстро, отступая проворно, вновь делая неожиданные выпады, прокручивая искусные атаки, приковывая внимание всех зевак к себе. Вон и девицы собрались, выглядывают из укрытий, наблюдая украдкой. Арьян, раззадоренный увиденным, с охотой к ним присоединился, ощущая, как в теле разжигается задор, не обращая внимания на всё ещё тревожащую рану. Пусть и стали движения свободными, точными, но после долгих состязаний всё равно нападала усталость, и пот катился градом по спине, дрожь непонятная пронимала тело. Арьян недомогание списывал на то, что за время лёжки всё же растерял былую сноровку, а потому решено было почаще выбираться на побоища. А тут в самый раз, другого занятия и не было, как бока наминать да силой и удалью мериться.

После, как сошло семь потов, а колени проняла дрожь от сражений с подступающими один за другим добровольцами, в эту ночь, не предвиделось сомкнуть глаз. К тому же перед отъездом из Излуча охватило смятение, нарастало напряжение, вынуждая быть на пределе каждый миг. Арьян не стал подниматься в терем, остался в гриднице распивать после бани братину с княжичами. И тлевшие лучины, и сладко-кислый вкус браги, и запах смолы древесной с примесью настоек смородиновой да рябиновой, густо окутывающий собравшихся за общим столом витязей, и душевные разговоры друзей не успокаивали стужающегося предчувствия предстоящей встречи с валгановским вождём. Если он... Если он что-то сделает с Мириной... Если Арьян больше никогда её не увидит... Разотрёт его в прах.

Ощущая, как неуёмная, распирающая и выворачивающая наизнанку злость охватывает нутро, княжич поднялся из-за стола. Оставив друзей, сам углубился в сумрачную избу, улёгся на выстеленную шкурами лавку, закрыл глаза, вдыхая тяжёлый, пропитанный шерстью и теплом от огня воздух, слушал, как гудят высокие голоса мужей, смешки женские, как шумит кровь в ушах и бухает сердце. Княжич утонул в вязком, как кисель, воспоминании, возвращаясь мыслями в тот самое утро, в шатёр хана. Не подозревая ничего, Арьян нашёл Мирину в объятиях этого змея. Тогда его скрутило чёрной воронкой непонимание, удивление и вместе с тем неверие. Он даже не мог разжать пальцы, выпустить полотно, его ступни пристыли к полу, и он не смог сделать и шага, смотря на обнажённую княжну. Арьян отчётливо помнил плавные изгибы её тела, перламутровую кожу упругих грудей, плоский живот, гладкую, как шёлк, кожу бёдер, икр, её стройные ноги. Она как из сладкого сна, от которого не желалось пробуждаться, а хотелось остаться и вдоволь насытиться ею, хотя бы взглядом. Удары сердца участились, разливая по телу огненную лаву, толчками отдающуюся в ушах, одурманивающую. Мыслить уже невозможно, и воспоминания текут, как спокойная река, омывая берега и уступы, и вот возникает перед ним новый образ. Густой изумрудный лес, омытый свежим холодным светом, Мирина, оставшаяся с Векулой и Мечеславом, и последнее, что врезается в душу, это удивлённый взгляд, растерянное молчание, невысказанные слова. Всё это волнами бьёт о грудь Арьяна, одна за другой, и вот река уже несётся, набирая силы и мощь, и удержаться невозможно, мощные толчки опрокидывают его из стороны в сторону, пока не топят в самые недра. А потом холод и тишина. Пребывая во власти покоя, Арьян слышит сквозь толщу сбившиеся рванные дыхания и ударяющие в самый живот сладострастные стоны, приглушённые, тихие — видно кто-то из чернавок всё же остался в гриднице, став в эту ночь кому-то усладой. Думает

Арьян и проваливается в сон. Изба и стены бревенчатые погрузились во тьму, закачались, утрамбовывая мечущееся сознание в пустоту, пряча от терзающих на части чувств, ставших неуправляемыми совсем. Его терзало одно — то, что княжна в чужих руках, не в его. Чужие руки теперь её ласкают, целуют губы... В груди начинает печь, ломить в висках, а дыхание становится хриплым. Он провалился в огненную воронку, пропадая, стираясь в пепел, оседая чёрным осадком на самое дно безмолвия.

Арьян открыл глаза и вскочил с лавки, будто от сильного толчка, понимая через туман, что уснул. Снилось что-то тёмное ужасно, втягивающее его вглубь, и он всё никак не мог выбраться. Кошмары стали сниться часто. Рубец на боку заколол, и Арьян скривился — вчерашняя разминка сказывалась. Сердце колотилось бешено, и сквозь шум крови княжич, наконец, осмотрелся. Первые девственные утренние лучи брезжили в высоких прорубах. Он был здесь не один, другие мужи, что остались вчера за столом, также лежали по лавкам и ещё спали, среди них Арьян мутным взором вырвал из полумрака у стен огненную голову Заримира. На его груди распласталась та самая русоволосая голая чернавка, чей голос он и слышал. Арьян пронизал пальцами отросшие волосы, шумно выдохнул, окончательно приходя в себя. Впереди ещё целый день до отбытия. Целый мучительный день, и его нужно как-то пережить. Вся выдержка и терпение полетели в бездну, Арьян, наверное, впервые испытывал на себе дерущую нутро, словно тысячи когтей коршунов, ревность, от которой горело всё, она не давала покоя, испепеляла жаждой, нетерпением, злостью. Теперь он знал, как пахнет безумие, какой вкус имеет ревность — вкус гари и горечи. Это изматывало страшно, исходило с каждым мигом, превращая его в тень.

Поправив сбившуюся во сне косоворотку и пояс, Арьян пошатывающейся походкой вышел из своего укрытия, всё ещё сонный и во хмелю прошёл к столу. Вчера славно посидели, голова почти не гудела, зато пересохло горло так, что язык к нёбу приставал.

Векула и Мечеслав его встретили приветственными кивками и рукопожатиями, усадили за стол, понимающе кивая, придвигая холодного сбитня. За время пребывания в детинце Излуча со многими сблизилась, став крепкой, нерушимой братией, скованной одним замыслом. Арьян надолго присосался к чаре, глотая жадно ледяное до ломоты в зубах питьё, пожар немного угас внутри, а мысли смёрзлись в голове, как, впрочем, и душа.

А как запели первые петухи, проснулся детинец и посад весь, наполнился людьми да шумом. Данимир, явившийся в гридницу, в это утро был приподнят духом, и Арьяну вполне были ясны причины такого настроения и блеска в глазах да довольной ухмылки. Сегодня будет ночь длинной, и самая желанная забава — ловить своих русалок, одна из которых вдруг ненароком да княжной окажется, и уж тогда-то не отвертеться схваченной девице, если поймал её юноша, обязательно поцеловать должна, а там и венок на голову надеть и через костёр прыгнуть. Такой обряд запечатлеют и освятят сами боги и земля, скрепив союз. Так что и до свадьбы недолго.

Пробуждаясь один за другим, кмети расходились каждый по своим нуждам. И Арьян долго рассиживаться не стал, да и не дали братья. Поднялись в сёдла да на реку сразу, купаться. У русла, как оказалось, желающих окунуться в прохладную воду было множество. Посадские по всему берегу жгли костры, девушки венки плели, песни пели. По ясному голубому небу разносились крики и визг. Здесь, на Брези, вчетвером княжичи и пробыли до самого вечера, то ныряли в воду, то выбирались, распластавшись по зелёной траве, обсыхая. Тревога в какой-то миг покинула сердце, и легко вдруг сделалось да хорошо, спокойно.

Когда небо начало темнеть, а земля стала испускать оранжевое свечение от множества костров, поднялся шум. Арьян не успел оглянуться, как Данимир куда-то исчез. Старший всё высматривал брата в темноте, но того верно уже не сыщешь на берегу, охотится поди за своей речной девой по имени Люборада. Ерислав и Заримир уже у ристалища — сейчас как раз время для бойцовских поединков. Арьян шагнул в сторону острога, решая вернуться в терем. Хоте-

лось побыть в покое и поразмышлять обо всём, да и не ощущал он праздника, душу заполняло совсем другое, неутолимое саднящее желание — вернуть то, что у него увели прямо из-под носа, не место в нём было для веселья резвого.

Княжич быстро шагал ввысь по холму, покидая людный берег, на котором разгорался настоящий пожар щедрого празднества, коим он так и не смог проникнуться. Поднявшись, Арьян решил сократить путь, повернул в сторону заброшенного старого сада, углубившись в заросли. Здесь было сыро и пахло мокрой листвой, роса в гущах садилась быстрее.

Тропка пустовала, но всё равно отовсюду были слышны голоса, тихие переговоры, Арьян не вслушивался, даже заприметил толпу девиц, одетых в обрядовые одежды. Длинные рубахи не имели вышивки — нежить не терпит огненных знаков, сами девки были простоволосы, на головах венки. Его они, конечно не заметили, Арьян ступал почти бесшумно. Хотя уже через версту услышал позади себя едва уловимые шаги, напрягся. Запястье внезапно кто-то перехватил. Княжич успел остановиться, завернуть подкравшемуся руку, но вовремя понял, что та слишком тонка, да и жалобный писк охолонул разом. Тут же выпустил руку и, сжав плечи, развернул девку к льющемуся сквозь прорехи почти лысых крон свету, стиснул челюсти. Побелевшая Дана смотрела хоть и испуганно, но прямо, потирая запястье. Княжич, взяв в ладонь её пальцы, принялся поглаживать, это вышло как-то само собой.

— Больно? — спросил, оглядывая княжну.

Он, наверное, её бы не узнал, если бы Дана не стояла так близко: простоволосая, золотые пряди падали по плечам густо до самых бёдер, в глазах серебро мерцало, взгляд казался рас-терянным и в то же время серьёзным, выражал сдержанную решительность. От этого взгляда, наперекор его твёрдости, невозможно было оторваться, и всё же Арьян сделал усилие, отвёл взор, замечая, что облачена она просторную домотканую рубаху и босая совсем, только на голове не было венка из луговых цветов, как у всех девушек. Интересно, где няньки княжны, что позволили одной в саду гулять? Арьян поднял голову, выхватывая в темноте шепчущихся и хихикающих между собой девок, как бы невзначай поглядывающих из-за корявых деревьев.

— Княжне не пристало разгуливать одной. Не страшно? — спросил, наверное, грубо, но ничего с собой не смог поделать. Он был требователен, как и отец, к другим и к себе, в первую очередь.

Арьян вернул хмурый взор на княжну. Дана сжала губы рассеянно, покачала головой. Княжич, выругавшись про себя, вновь взял её руку с вою ладонь, пальцы девичьи были холодные, ну точно русалии, и подрагивали — Дана волновалась, и это быстро размягло его. В самом деле, зачем набрасываться на девушку?

— Иди сюда, — сказал Арьян, увлекая княжну дальше от посторонних глаз.

Хотя может случиться так, не дай боги, что увидят их вместе, слухи самые разные пойдут. Только не он один должен был о том заботиться, а и сама княжна. Арьян не заметил, как глухое раздражение всё же проняло, её безрассудный поступок остановить его здесь, в саду, возмутил. Зайдя подальше от глаз в заросли орешника и яблонь диких, Арьян выпустил руку Даны. Только теперь спросил себя безмолвно, зачем сделал это, запутывая и без того беспорядочные мысли и чувства. Как ни думай, а застала врасплох. Повисло молчание, и в нём с берега докатывались голоса пирующих да хохот юношей, что остались там состязаться один на один. А ещё дыхания его и княжны, и их шум каким-то образом сближал, вынуждая почувствовать себя неловко от того, что они, оказавшись так близко, сплетались воедино. Арьян невольно скользнул по стану княжны взглядом, думая о том, что всё это он уже когда-то испытывал с Всеславой. Мысль о бывшей невесте обожгла, как кислота. Он даже вздрогнул от неожиданности и закаменел, видя в бледном свете звёзд, как красивое лицо Даны изменилось, скованное неловкостью, а взгляд робкий и добрый застыл, и грудь замерла на вдохе. Не было в глазах серых какого-то замысла тайного, и остановила его по порыву своему первому. Это Всеслава его вечно поджидала где-то.

— Тебе лучше в терем возвратиться, — прохрипел он, настаивая на своём, не дождавшись от неё какого-то вразумительного ответа. — Поймает кто и не посмотрит, кого...

Лицо Даны вытянулось, и она отвернулась, люющий жемчужный лунный свет выхватил и без того белые ланиты её.

— Зови своих подружек, если хочешь, провожу вас, только дорогу покажи, чтоб никто нас не увидел.

— А ты чего ты боишься, княжич? — вдруг выпалила она резко, поворачиваясь. — Всё ходишь стороной и взгляд отводишь. Неужели я не нравлюсь так тебе, что ты нос воротишь?

Арьян даже застопорился от ответа такого, помолчал. Узкие крылья носа Даны раздулись в гнев, да только злость её и досада одно вызывали — улыбку. Увидев его ухмылку, княжна опустила плечи, и взгляд её потух. Арьян кашлянул.

— Ты не так всё поняла, княжна, — начал он да примолк. Как ни говори, да только она сейчас не поймёт его слов, не поймёт того, что творится у него на душе, какая буря и смятение.

— Ты очень красивая, Дана, — Арьян сжал челюсти, злясь на себя, что и слов подходящих найти не может.

— Если нравлюсь, поцелуй, — серые глаза пронизали остро до самого нутра.

— Нет.

Дана отпрянула, будто мертвеца увидела, моргнула растеряннo, раскрыв губы, выпуская выдох. Развернулась резко и пустилась прочь. Арьян смял кулак, врезал по стволу корявому, упало на землю глухо вялое яблоко.

«Вот же надо такое ляпнуть?!» — чертыхнувшись, вслед бросился, всё же, хоть ненароком, а обидел девушку.

— Не обижайся, Дана, — крикнул княжне, следуя через малинник высокий колючий, — о другой думаю. Дана!

Арьян, запутавшись в ветках, порвал ткань рубахи, забранился, вертась, пытаясь выбраться из колючей ловушки, слыша, как хрустят ветки под ногами у убегающей княжны.

— Дана! — снова крикнул в сырую темноту гущи. — Дана! Вот же гадство, — буркнул, ломая зло ветки, и, вырвавшись из плена, кинулся снова за княжнoй.

Вылетев на едва заметную стёжку, Арьян заметил Дану. Она уносилась прочь из зарослей в противоположный край от посада. Княжич снова ругнулся и пустился за ней. Подруг её и след простыл, куда те подевались — неизвестно. Глазам открылся бескрайний луг. Арьян напряг зрение, различия в темноте женскую фигурку, устремившуюся по скату к реке. Путаясь в густой траве, Дана оскальзывалась и падала, поднималась и бежала прочь.

«Дурёха, ногу так подвернуть несложно», — княжич кинулся за ней.

С каждым ударом сердца брала злость и неуёмное, кипящее возбуждение, что заставляло не чувствовать земли под собой, а только одно желание — догнать княжну. Вновь до слуха докатился шум веселья, замелькали костры, но всё пролетало мимо зарницами яркими и голосами невнятными, что смешивались в одно-единственное звучание, сплетались с грохотом сердца, биением крови в висках. Девушку он настиг неминуемо. Арьян видел, как разлетелись её огненные волосы, как мелькнули лодыжки из-под поднятого подола, который Дана сжимала в кулаках. Он ловил её обрывистое дыхание и запах тягучий. Не знал себя, когда настиг княжну. Не помнил, как вместе рухнули в траву.

— Пусти! — пыталась вырваться Дана, грубо пихнула в грудь локтем. — Пусти, раскричусь!

— Кричи.

Уцепившись за траву, Дана попыталась высвободиться и отползти. Арьян не позволил, рывком подтянул к себе, придавил взъярившуюся княжну, ощутил, как колотится сердце, как вздымается грудь в судорожном дыхании, как щёки багрянец заливает, а глаза серые темнеют и мерцают на самом донышке этих колодцев холодный свет.

— Не злись, княжна, — проговорил Арьян и прижал девку грубее, и сам не знал зачем, но неодолимо-дикая сила управляла сейчас им.

Дана попыталась развернуться, чтобы пнуть, но ничего не вышло. Арьян зажал девичьи ноги между коленями, пригвоздил запястья к земле, грозно навис над ней, распяв. Дана заметалась, выпуская придушенное рычание, волосы опутали лицо, ноздри гневно и шумно раздувались. Девица плотно сжала губы, глядела из-под ресниц обжигая.

— Ты уже сказал мне ответ, что тебе ещё нужно? — выпалила она разгневано.

— Ничего, — ответил Арьян и впился в её горячие губы.

Дана замерла, а потом забилась сильнее, задохнулась, попыталась увернуться, Арьян захватил её рот снова, прижался в настойчивом поцелуе, раскрыл нежные губы языком, принялся ласкать твёрдо. Девушка вдруг вся ослабла, и Арьян ощутил под собой мягкость стройного тела через ткань одежды. Насытившись, княжич отстранился. Дана оставалась лежать смирно, подрагивали тёмные ресницы и дыхание тёплое трепетало.

Княжич, обвёл взглядом изгибы её тела, разгорячённый лик, почувствовал, как в штанах тяжелеет и падает камнем свинцовая волна в пах, пролилось возбуждением по телу, что голову закружило, будто багульника надышался. Арьян отстранился и отпустил руки девушки. В ушах гул крови, муть в глазах. Переведя дух, Дана шевельнулась, а затем привстала.

— Я не...

Звонкая пощёчина опалила щёку, прервала его оправдания.

— Это за то, что в сердце у тебя одна, а целуешь другую, — выдохнула Дана сердито, поднялась с травы и пустилась прочь.

На этот раз Арьян не бросился нагонять, остался сидеть на земле обескураженный. Дурман трав ли перемешал чувства, или ночь заколдованная, что вырывает наружу тайные вожделения. Он думал и не мог понять, что на него нашло. Разъярённый взор Даны прожигал, на языке вкус её губ — горько-сладкий, женский дух пробуждал неведомое в нём необузданное чувство.

Княжич тряхнул волосами, сбросил наваждение. Поднялся едва — его всего трясло. Даны не видно. «Куда понесло эту шалую девку?».

Вопли и весёлый шум лился с берегов, возносился к небосводу, тревожил воздух и душу. Арьян взглянул в край острога. Сделав вдох и выдох, он развернулся и пошёл к детинцу, на этот раз его никто не остановил, и княжич смог вольно добраться до светлицы, пустой и тёмной.

Впотьмах Арьян прошёл к левому углу, лёг на длинную скамью, распростёршись, прикрыл веки. Ощущал, как холодок перекачивался по дымному воздуху, оглаживая кожу, утекая через окно, как волна внутреннего жара круто поднимается к груди и быстро опадает книзу живота, как рвётся дыхание сбивчиво, как дразнит благоухание княжны. Щека от удара ещё пламенела, а внутри распадалось на обломки былая уверенность и твёрдость. Какой-то необузданный звериный порыв пробудился в нём. И для чего гнался за ней? Страстно целовал? Бессмысленно как-то всё получилось. Да и никогда бы так не поступил.

«Что нашло?» — наверное, это просто бесплодные старания сказывались. Столько дней отстаивал у отца разрешение идти на валганов, ожидал, не находил покоя. Всё это обернулось против него.

Он всё ещё видел палящий взор Даны, что расплывался в плотном мареве, тускнело мерцание красной меди волос, обрамлявших матовое лицо и спадавших на узкие плечи. Арьян старался выбросить из головы рыжеволосую девку, пробовал заснуть, хоть до утра уже и недолго осталось. Но бродившие в голове мысли не давали быстро уснуть, бросая его время от времени от одной крайности в другую. Завтра в дорогу. От этой мысли сердце с новой силой содрогнулось в глухом предчувствии неизвестного. Дана окончательно растворилась, когда в память вплыл голос Мирины, чуть хриплый и глубокий, глаза небесно-голубые бездонные, косы длин-

ные, грузные, золотистые, что мёд. Летнее тепло заплескалось внутри. Она была сейчас дороже всего.

Сжав челюсти, княжич развернулся к стене и сомкнул глаза, вслушиваясь в тишину, стараясь отрешиться ото всего. Да едва это получалось, как вновь вторгались в голову помысли о дочери Радонега, беспокоя.

«Что, если все потуги пустыми окажутся?» — внутри полыхнул пожар ярости, упал гнетущим горьким осадком.

Ведать бы что с ней, проникнуть в помыслы её, коснутся сердца, услышать желания. Грудь распирало от чувств разных и мутной тревоги. Таска возрастала, толкая его в чёрную пропасть, раскачивала, баюкая в пустоте. Арья не помнил в какой миг забылся. Только сквозь толщу дремоты ясно слышал, как немного погодя в хоромину ввалился Данимир. Шаг его был тяжёлый, как и дыхание. Нетрезвый. Молча упал на свою постель, а после вновь пролилась тишь. Арьян же опять нырнул в болотистую заводь сна, что неподъёмной ладонью легла на него, погружая во мрак. Когда в следующий раз пробудился, было уже ясно.

Несмотря, что ночь была тревожной, ощущал себя вполне сносно, хоть думал, что последствия гульбы будут скверными — проснётся разбитым и вялым, но даже раны не тревожили, а в теле сила и бодрость плескалась.

Что не скажешь о Данимире. Растрёпанный и помятый брат ещё спал, распластавшись по сбившемуся ложу. Арьян не стал его сразу будить, велел Митко воды натаскать колодезной и одежду чистую принести, да еды какой. И когда отрок вернулся, громохкая кадками да шагами, продрал глаза и княжич.

Арьян с долей сочувствия посмотрел на него, вздохнул и прошёл к ведру, зачерпнув ковш воды, вернулся, подавая питьё.

— Доброе утро, — поздоровался.

Данимир, нахмурился, свёл русые брови, что-то пробурчал невнятно, присосался надолго, делая большие глотки. Арьян сел напротив гуляки, смотрел неотрывно, ожидал, пока брат утолит первую жажду. Дождался. Данимир скривился — легче, по-видимому, ему не стало.

— Знатно я вчера погулял, — признался Данимир на выдохе. — Давно так не веселился. Грянули с друзьями на славу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.